

Н.А. Соколова*

N.A. Sokolova*

**«Есть иная жизнь, где мы вновь
встретим друг друга...»:
письмо Е.И. Пестель сыну и его ответ.
Февраль – май 1826 года**

doi:10.31518/2618-9100-2020-6-8

УДК 94(47).072

Выходные данные для цитирования:

Соколова Н.А. «Есть иная жизнь, где мы вновь встретим друг друга...»: письмо Е.И. Пестель сыну и его ответ. Февраль – май 1826 года // Исторический курьер. 2020. № 6 (14). С. 118–127. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-6-08.pdf>

**“There Is Another Life Where
We Will Meet Each Other Again”:
E. Pestel’s Letter to Her Son and His
Answer. February – May 1826**

doi:10.31518/2618-9100-2020-6-8

How to cite:

Sokolova N.A. “There Is Another Life Where We Will Meet Each Other Again”: E. Pestel’s Letter to Her Son and His Answer. February – May 1826 // Historical Courier, 2020, No. 6 (14), pp. 118–127. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-6-08.pdf>

Abstract. The publication introduces E. Pestel’s letter to her imprisoned son, Decembrist P. Pestel, into scientific discourse. Preserved in copy in the archive fond of the magazine “Russky Arkhiv”, it was not published among the Pestel family correspondence in “Decembrist uprising. Documents. Volume XXII”. The textual history of the responding letter of the son to his parents is complicated. It was first published only in Russian translation in 1875 in the magazine “Russky Arkhiv”. In 1890 the historical journal “Russkaya Starina” published the shortened French text based on one of the copies distributed in public after the Decembrists’ execution. In Volume XXII of the ‘Decembrist uprising’ the translation made by “Russky Arkhiv” was republished with no regard to the French text. These two letters are the last lines of the dialogue between the parents and the son which was going on for almost 30 years. Only the letters of P. Pestel’s parents are left from this dialogue; his own letters are poorly preserved. Both correspondents had reason to think that these letters were the last ones, which is why many things are summed up in them, from family relationships and mutual obligations to discussions about duty and responsibility of an enlightened person and a patriot of one’s country.

Keywords: Decembrists; investigation; Pestel family; epistolary.

The article has been received by the editor on 30.08.2020.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Публикация вводит в научный оборот письмо Е.И. Пестель сыну, декабристу П.И. Пестелю, в крепость. Сохранившееся в списке в фонде редакции журнала «Русский архив», оно не было опубликовано в составе комплекса семейной переписки Пестелей в XXII томе серии «Восстание декабристов». Ответное письмо сына родителям имеет сложную текстологическую историю. Впервые оно было опубликовано только в русском переводе в 1875 г. в журнале «Русский архив», в 1890 г. в журнале «Русская старина» был опубликован неполный текст на французском языке по одной из копий, распространявшихся в обществе после казни декабристов, в XXII томе «Восстания декабристов» оно еще раз приведено без учета французского текста, по переводу редакции «Русского архива». Эти два письма – последние реплики в диалоге, который вели родители с сыном почти 30 лет; из него до нас дошли только письма родителей П.И. Пестеля, а его письма практически не сохранились. Оба собеседника имели основания думать, что письма

* **Соколова Наталия Александровна**, главный архивист, Сектор информационного обслуживания Отдела хранения документов до 1917 г. ГБУ «ЦГА Москвы», Москва, Россия, e-mail: nsokoloffa@mail.ru
Sokolova Nataliya A., Chief Archivist, Information Services Sector of the Pre-1917 Documentation Storage, Central Archive of the City of Moscow, Moscow, Russia; e-mail: nsokoloffa@mail.ru

последние, в них многое подытоживается – от внутрисемейных отношений и взаимных обязательств до обсуждений о долге и сфере обязанностей просвещенного человека и патриота своей страны.

Ключевые слова: декабристы; следствие; семья Пестелей; переписка.

Семейная переписка Пестелей была опубликована в 2012 г. в XXII томе серии «Восстание декабристов»¹. В публикацию вошли письма к П.И. Пестелю его родителей и других родственников (а также гувернера А.Е. Зейделя) за 1801–1825 гг., и несколько писем к родителям самого П.И. Пестеля, впервые опубликованных П.И. Бартеневым в журнале «Русский архив» в 1875 г.² Еще одно письмо без даты, атрибутированное публикатором О.В. Эдельман как письмо П.И. Пестеля родителям, написанное в 1816 г., сохранилось в комплексе семейной переписки Пестелей в составе фонда Следственного комитета (ГАРФ. Ф. 48.) в копии, сделанной матерью декабриста Е.И. Пестель. Атрибуция этого документа сомнительна: он сохранился в копии и не имеет подписи. Это действительно письмо сына родителям, посвященное раскаянию в каком-то проступке, и может принадлежать любому из сыновей Ивана Борисовича и Елизаветы Ивановны Пестелей. Таким образом, в нашем распоряжении по-прежнему остается только два письма Павла Пестеля родителям, 1822 и 1826 гг. (Вообще частных писем П.И. Пестеля сохранилось очень мало, немногим более десяти.) Что касается последнего письма родителям от 1 мая 1826 г., то это единственный случай, когда сохранилось его письмо и наоборот неизвестно родительское; по крайней мере в фонде Следственного комитета его нет.

Дочь Пестелей Софья Ивановна неоднократно пыталась опубликовать документы семейного архива³. Ее брат Владимир в 1861–1862 гг. переписывался по тому же поводу с бароном М.А. Корфом, пытаясь опровергнуть обвинения против И.Б. Пестеля, высказанные в книге М.А. Корфа «Жизнь графа Сперанского», но потерпел неудачу⁴. Однако его сестре это в конце концов удалось – так появилась публикация в «Русском архиве», в которую вошли «Записка о службе» и «Записка о Куткине» И.Б. Пестеля, краткие биографии И.Б. и П.И. Пестелей, упомянутые выше письма, отрывок из письма И.Б. Пестеля жене и дочери от 1 мая 1826 г. и запись о свидании пастора Т. Рейнбота с П.И. Пестелем во время следствия. Однако судя по хранящимся в РГАЛИ в фонде редакции «Русского архива» документам, П.И. Бартнев отобрал для публикации не все из предоставленных ему бумаг. Бумаги семейного архива Пестелей в фонде «Русского архива» сейчас составляют отдельную опись (РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 3). Часть из них – подлинники, в основном это долговые расписки и переписка по долгам И.Б. Пестеля. Они не заинтересовали Бартневу, но и Софья Пестель, видимо, не настаивала на их возвращении. Подлинники документов, вошедших в публикацию, по всей видимости, были возвращены и в редакции сохранились в копиях. Мы не знаем, к кому именно они вернулись в Смоленск, поскольку С.И. Пестель скончалась 5 февраля 1875 г.⁵, до выхода журнального номера с публикацией.

Однако даже из них не все было опубликовано. Имеется ряд разночтений в биографиях Ивана Борисовича и Павла Ивановича Пестелей. Так, в последнем случае в публикации был опущен последний абзац: «Павел Ив[анович] имел сердце доброе, очень чувствительное, всегда был готов всякому помочь, хотя и с собственным убытком. Характер его был пылкий и вспыльчивый, но он всегда был готов немедленно извиниться и загладить свою вину. Не любил светской жизни и больших собраний, любил чтение и серьезные занятия, но в домашнем кругу мог быть очень весел. Отличительная черта его была с самого младенче-

¹ Восстание декабристов (ВД). М., 2012. Т. XXII.

² Бумаги И.Б. Пестеля // Русский архив. 1875. № 4. С. 415–416, 421–423.

³ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 46. Оп. 3. Д. 11. Л. 23–23 об.

⁴ Бычков И. Несколько данных к истории книги барона М.А. Корфа «Жизнь графа Сперанского» (Из бумаг академика А.Ф. Бычкова) // Русская старина. 1902. № 1. С. 165–169; РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 3. Д. 11. Л. 4, 26–26 об.

⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 828. Оп. 14. Д. 204. Л. 324 об. –325.

ства беспредельная горячая любовь к родителям (особливо к матери), также к братьям и особенно к сестре, для которых был готов всем жертвовать»⁶.

Сложно сказать, почему этот абзац был опущен при публикации, возможно, воспринимался как совершенно частный, не имеющий значения для биографии общественного деятеля. По сходной причине, вероятно, и не было напечатано письмо Е.И. Пестель к сыну, также сохранившееся в данном фонде в копии (РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 3. Д. 2), публикуемое только сейчас. Оно позволяет восстановить последние, самые напряженные реплики в диалоге родителей и сына (рис. 1). Копия, как и само письмо, – на французском языке, в то время как Бартенеv публикует только русские переводы. В ней явно опущена приписка С.И. Пестель, ответ на которую есть в письме Павла Пестеля. Письмо не имеет даты, но мы можем определить ее с достаточной точностью: И.Б. Пестель выехал из сельца Васильева Смоленской губернии в Петербург 23 февраля 1826 г.⁷ Скорее всего, письмо было написано накануне или незадолго до этого. Удивительно, что это письмо вообще сохранилось. Оно было передано в крепость П.И. Пестелю и, по всей видимости, каким-то образом вернулось обратно; иначе придется предположить, что с него предусмотрительно сняли копию еще в феврале 1826 г. У нас нет никаких сведений о том, как это произошло, здесь возможны только предположения. Учитывая, что вещи П.И. Пестеля после его казни не были получены братьями и впоследствии были проданы с аукциона, можно предположить, что оно было возвращено еще во время пребывания И.Б. Пестеля в Петербурге, по всей видимости, через пастора Т. Рейнбота. Он исповедовал подследственных-лютеран во время Великого поста (Пасха в 1826 г. приходилась на 18 апреля, в это время письмо, судя по дате ответа – 1 мая 1826 г. – еще не попало к адресату) и еще раз исповедовал П.И. Пестеля перед казнью, в ночь на 13 июля 1826 г. Осужденных после объявления приговора перевели в другие камеры, для того, чтобы передать письмо пастору, нужно было иметь его не просто при себе, а скорее, даже на себе. Так или иначе, оно вернулось назад, в Смоленскую губернию, и было предоставлено П.И. Бартенеvu для публикации в числе других документов семейного архива Пестелей.

Это небольшое письмо, несмотря на исключительные обстоятельства, в которых оно написано, во многом перекликается с другими письмами Елизаветы Ивановны Пестель сыну. В частности, она использует присущую ей систему умолчаний: самое страшное, то, что невозможно себе представить, не называется, а заменяется множеством прочерков – знаком, схожим с современным многоточием. Так, в сентябре 1812 г., когда родители ничего не знали о судьбе раненого при Бородине сына и одно время предполагали, что он убит, Елизавета Ивановна писала: «Не знаю, что бы со мной стало, если бы мы имели несчастье вас...»⁸

Подобные переключки есть и в ответном письме П.И. Пестеля. В письме Е.И. Пестель сыну от 31 марта 1825 г. есть следующее рассуждение: «Как я была бы огорчена, если бы мне пришлось предполагать, что кто-либо из моих сыновей мог бы быть в числе так называемых либералов, которые вообще и особенно у нас являются синонимом подстрекателей. Если среди этих юных реформаторов всего мира есть один, который бы имел добрую волю и не имел своим двигателем честолюбие, конечно, он там не оставался бы долго; и размыш-

Рис. 1. П.И. Пестель во время следствия. Рисунок А.А. Ивановского (?), опубликован в альбоме: Декабристы в изобразительном искусстве. Собрание Государственного Эрмитажа, М., 1990.

⁶ РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 3. Д. 2. Л. 2 об.

⁷ Бумаги И.Б. Пестеля... С. 419.

⁸ ВД. Т. XXII. С. 73. (Письмо от 8 сентября 1812 г.).

ление, также как и религия, сказали бы ему, что он вовсе не призван изменять лицо империй, что свыше границ его познания предвидеть ужасные последствия, которые может иметь минута экзальтации; что он имеет достаточно средств делать добро в кругу деятельности, в который его поставило Провидение, что хорошо служить своему отечеству и своему государю, выполнять обязанности гражданина, человека и христианина – этого достаточно, чтобы наполнить существование человека добродетельного и благочестивого, чтобы он мог спокойно ожидать минуты, когда он будет призван перед вечным судом»⁹. Мы не знаем, какой ответ последовал на это место в письме, и был ли он тогда вообще. Но один из фрагментов публикуемого здесь письма звучит как ответ именно на это рассуждение: «Моя настоящая история содержится в немногих словах: я страстно любил свою родину, я с воодушевлением желал ее счастья, я искал этого счастья в планах, которые заставили меня пренебречь своим призванием, и которые бросили меня в бездну, где я нахожусь теперь. Мне следовало бы скорее понять, что здесь нужно полагаться на Провидение, – и не желать участвовать в том, что не является несомненным долгом в том положении, куда Всевышний нас поместил, – и не желать выйти из своего круга. Я это чувствовал уже в течение 1825 г., но было слишком поздно».

Возвращаясь к письму Е.И. Пестель, заметим, что интересно также попытаться понять, каких «самых юных детей», для которых после смерти родителей старший сын должен был стать «вторым отцом», имела в виду Елизавета Ивановна? В 1826 г., в момент написания письма, младшему ребенку Пестелей, Софье, шел шестнадцатый год, а следующему по старшинству сыну Александру было уже 25 лет. Даже если разговор об этом происходил двумя-тремя годами раньше, говорить о его усыновлении уже не имело бы смысла. Мы можем только предполагать, что, вероятно, речь здесь могла идти об Александре и Анне Реннерах, с марта 1825 г. воспитывавшихся у Пестелей в Васильеве; в это время им было 8 и 10 лет. Это были дети Екатерины Дмитриевны Власьевой, троюродной сестры Ивана Борисовича Пестеля, рожденные ею вне брака (она находилась в разъезде с мужем) и записанные как дети ее экономки, жены купца города Якобштадта Курляндской губернии Каролины Реннер. Официально их отцом считался ее муж, Иоганн Реннер¹⁰, но в действительности им, судя по всему, был Владимир Пестель, третий сын Ивана Борисовича и Елизаветы Ивановны. В семейной переписке за 1815 и 1817 гг. имеются неоднократные упоминания об этом романе. Возможно, что упомянутое выше покаянное письмо кого-то из сыновей, сохранившееся в копии Елизаветы Ивановны, написано именно Владимиром по поводу этих отношений. Что до его отцовства, то об этом существуют как косвенные упоминания¹¹, так и одно достаточно прямое: в письме Е.Д. Власьевой к Е.И. и И.Б. Пестелям с просьбой взять на воспитание ее детей, она также завещает им деньги, потраченные ею на уплату долгов Владимира. На письме имеется карандашная приписка Е.И. Пестель, где она фактически называет вещи своими именами: «Из которых 4800 были одолжены для В[ольдемара]. Итак, мы должны детям деньги, которые мать ссудила, чтобы заплатить долги отца»¹². В итоге старшие Пестели при участии Софьи вырастили детей и, сообразуясь со своими возможностями, постарались устроить их дальнейшую жизнь: после неудачной попытки обучения в Московском университете Александр Реннер поступил на военную службу¹³, а Анна Реннер стала женой смоленского чиновника¹⁴. В ее семье и в семье ее детей в дальнейшем жила Софья Пестель, практически вырастившая два поколения этой семьи¹⁵.

⁹ ВД. Т. XXII. С. 344. В статье здесь и далее используется перевод текста, выполненный С.В. Зоной.

¹⁰ Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 418. Оп. 171. Д. 161. Л. 4.

¹¹ См., например, письмо И.Б. Пестеля от 28 января 1825 г.: «Я отнюдь не доволен Вольдемаром во всем этом деле! Он сохраняет невозмутимое хладнокровие, как будто эти бедные дети нисколько его не касаются» (ВД. Т. XXII. С. 334.).

¹² ВД. Т. XXII. С. 329. (Письмо Е.Д. Власьевой от 27 июня 1823 г.).

¹³ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 171. Д. 161; ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 105. Д. 103; Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 395. Оп. 39. Д. 94.

¹⁴ РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 9. Л. 223 об. –224.

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Д. 1638. Л. 3–4, 6.

Переходя к письму П.И. Пестеля, мы оказываемся в более сложной текстологической ситуации. Тот факт, что и русский перевод, и сохранившаяся часть французского текста были опубликованы еще в XIX столетии, ситуацию не упрощает, а запутывает. П.И. Бартенев, опубликовавший в 1875 г. полный текст письма, приводит его только в русском переводе, хотя, судя по сохранившейся в фонде редакции копии французского письма Елизаветы Ивановны, в распоряжении редакции и в данном случае был полный французский текст; в настоящее время в документах соответствующего фонда он отсутствует. Возможно, копия не снималась, а сразу делался перевод на русский язык, а подлинник, по всей видимости, был возвращен.

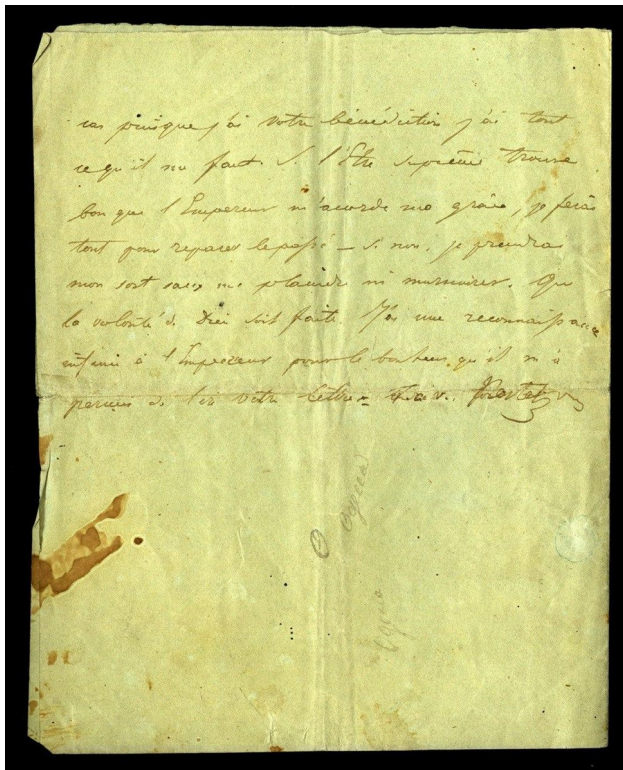

Рис. 2. Последний лист копии В.И. Туманского письма П.И. Пестеля родителям от 1 мая 1826 г. ОР РНБ. Ф. 794. Оп. 1. Д. 11. Л. 2 об.

В 1890 г. В.И. Семевский опубликовал сохранившуюся в бумагах поэта В.И. Туманского копию французского текста письма. В отличие от Бартенева, в распоряжении которого были подлинные документы, хранившиеся в семье Пестелей, В.И. Семевский работал с рукописным сборником, включавшим также письмо А.И. Якубовича отцу, написанное после исполнения приговора. Характерной особенностью французского текста письма П.И. Пестеля является наличие пропусков: были опущены фрагменты текста, имевшие частный, семейный характер. В настоящее время копия из собрания Туманского хранится в Отделе рукописей РНБ¹⁶, в личном фонде В.И. Туманского (рис. 2.).

До нас дошло более одного такого сборника. Так, в Отделе рукописей РГБ имеется аналогичный сборник, включающий в том же порядке письма Пестеля и Якубовича, а также письмо С.И. Муравьева-Апостола брату Матвею и добавленное другим почерком письмо К.Ф. Рылеева жене¹⁷.

Он хранится в числе документов, собранных археографом Н.П. Барсуковым. Текст написан на бумаге с водяными знаками 1826 г.

Судя по особенностям почерка в обеих копиях, оба сборника выполнены вскоре после написания копируемых писем. Письмо П.И. Пестеля – единственное из этой подборки – написано до объявления приговора, 1 мая 1826 г., еще во время следствия. Мы не знаем происхождения этой копии. Возможно, копия была выполнена еще кем-то из чиновников Следственного комитета, поскольку письма декабристов проходили цензуру, на это может указывать неполнота текста. Но распространение эта копия получила, по-видимому, уже после исполнения приговора, что подтверждает идентичный состав обоих сборников. И если письмо живого и еще не осужденного человека переписывалось исходно с пропусками личных моментов, то письма С.И. Муравьева-Апостола, К.Ф. Рылеева и А.И. Якубовича списывались целиком, с упоминанием частных долгов, неизвестных широкой публике родственников и т.д., поскольку уже ясно ощущались принадлежащими истории.

По всей видимости, летом 1826 г. было изготовлено немало копий писем осужденных декабристов, и распространялись они очень быстро. Через месяц с небольшим после исполнения приговора соседка Пестелей по имени А.И. Колечицкая читала в г. Смоленске

¹⁶ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 794. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–2 об.

¹⁷ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 18. Карт. 39. Д. 18.

письмо Рылеева¹⁸. 10 августа 1826 г. В.И. Туманский писал из Москвы двоюродной сестре С.Г. Туманской: «Посылаю тебе письмо Рылеева, накануне казни писанное жене. Оно здесь ходит по рукам и читается с жадностью. Я видел множество дам, обливавшихся слезами при чтении сего трогательного послания»¹⁹, – а 14 августа обещал ей прислать копию публикуемого здесь письма П.И. Пестеля: «В письме к Олинке пошлю тебе по будущей почте письмо Пестеля к родным пред смертью – теперь не успеваю написать»²⁰. Вероятно, помимо обычного любопытства к людям, внезапно обретшим известность, переписывавшими эти письма двигала и потребность в иной, не только официальной, информации о происходящем.

В настоящей публикации приводится французский текст писем: письмо Е.И. Пестель – по копии, хранящейся в фонде «Русского архива»; письмо П.И. Пестеля – по копии из фонда В.И. Туманского, идентичной публикации в «Русской старине», с указанием разночтений, имеющих в копии из коллекции Н.П. Барсукова. Письма публикуются с сохранением орфографии подлинника, в т.ч. мы не восполняем характерную для того времени особенность пропускать непроизносимые согласные (например «tems» вместо «temps») и не всегда использовать надстрочные знаки. Пунктуация приближена к современной. Подготовка французского текста выполнена Е.Д. Шуваловой.

Русский перевод письма Е.И. Пестель выполнен Ек.Ю. Лебедевой. Русский текст письма П.И. Пестеля составлен из двух элементов: перевод сохранившегося французского текста также выполнен Ек.Ю. Лебедевой, выпущенные в копиях письма фрагменты приведены по переводу, опубликованному П.И. Бартеневым (в тексте они выделены курсивом). При сравнении текста в публикации Бартевева с французским текстом приходится отметить, что перевод этот может быть не вполне точен, а местами избыточно многословен, но, к сожалению, у нас нет другой версии текста этих фрагментов.

* * *

Е.И. Пестель – П.И. Пестелю

[Васильево, февраль 1826 г.]

Копия с письма матери Павла Ив[ановича] Пестель, писанное к нему, когда он был в крепости.

Je ne sais pas, mon cher fils, si ces lignes vous parviendront jamais et où elles pourront vous trouver, mais je veux au moins essayer de vous faire parvenir encore les accens d'une mère qui n'a cessé de vous cherir depuis le moment de votre naissance, et qui sans vous excuser a ce moment, voudrais verser un baume consolateur sur vos tristes jours. Je ne viens point augmenter par les reproches l'amertume dont votre ame est remplie. Si vous avez, pendant la cruelle erreur qui vous a conduit là, où vous vous trouvez maintenant, oublié le chagrin qu'elle devait donner à vos pauvres parens je suis persuadée que leur souvenir déchire souvent votre cœur qui leur était si dévoué. Quand à nous, votre image ne nous quitte pas un instant. Je me retrace toutes les jouies que vous nous avez données, toutes les consolations que nous vous devions, toutes les espérances que vous entreteniez en nous, même celle de vous léguer en mourant // (л. 5 об.) nos plus jeunes enfans, pour lesquels vous étiez déjà un second père. Et au bout de tous cela je vous vois – dans un cachot, terminant peut-être votre existence sur _ _ _ . Non, je ne puis écrire ce mot, il m'est trop affreux! – Ah! Paul, mon fils, mon cher fils, que les hommes soient vos juges, je ne puis, je ne veux être que votre mère! – je le suis par ma tendresse, je le suis par ma douleur. J'ignore jusqu'à quel point vous êtes coupable et combien par conséquent vous pouvez espérer de l'indulgence de notre clément

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 142. Л. 42 об.–43 об. Дневниковая запись от 19 августа 1826 г.

¹⁹ Туманский В.И. Стихотворения и письма. СПб, 1912. С. 292.

²⁰ Там же. С. 293.

Empereur, mais comptez au moins sur la miséricorde de l'Être suprême que j'implore pour vous à chaque fois que je respire. Portez vers lui vos pensées, elles y rencontrent les miennes, portez à ce père miséricordieux, portez aux pieds de la croix sur laquelle notre rédempteur est mort pour nous tous, portez y le tribut de vos douleurs, de vos regrets et de vos espérances sur une éternité qui mène sûrement à la fin à une félicité réelle. Oui, mon bon ami, il est une seconde vie où nous nous retrouverons et mon cœur me dit que ce sera bientôt si je ne dois plus avoir le bonheur de vous serrer dans mes bras dans ce monde-ci. – ^a

РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 3. Д. 2. Л. 5–5 об.

Перевод:

Я не знаю, мой дорогой сын, дойдут ли когда-нибудь эти строки до вас и где они могли бы вас найти, но я хочу хотя бы попытаться донести до вас вновь звуки голоса матери, которая не переставала дорожить вами с момента вашего рождения, и которая, не извиняя вас в этот момент, хотела бы пролить бальзам утешения на ваши печальные дни. Я не собираюсь ничуть умножать упреками ту горечь, которой наполнена ваша душа. Если вы во время этой жестокой ошибки, которая привела вас туда, где вы находитесь теперь, забыли о печали, которую она должна причинить вашим несчастным родителям, – я убеждена, что воспоминание о них часто разрывает ваше сердце, которое было им так предано. Что до нас, ваш образ не покидает нас ни на мгновение. Я вспоминаю все радости, которые вы нам принесли, все утешения, которыми мы обязаны вам, все надежды, которые вы поддерживали в нас, даже эту – завещать вам, умирая, наших самых юных детей, которым вы будете вторым отцом. И под конец всего этого я вижу вас – в каземате, заканчивающего, быть может, ваше существование на _ _ _ Нет, я не могу написать это слово, оно для меня слишком ужасно! – Ах, Поль, мой сын, мой милый сын, пусть люди будут вашими судьями, я не могу, я хочу быть только вашей матерью! – и я остаюсь ею в моей нежности, я остаюсь ею в моем горе. Я не знаю, до какой степени вы виновны и насколько, следовательно, вы можете надеяться на снисхождение нашего милостивого Императора, но рассчитывайте по меньшей мере на милосердие Всевышнего, которого я молю о вас каждый раз, когда я делаю вдох. Устремите к нему ваши мысли, они встретят там мои; устремитесь к этому милосердному отцу, устремитесь к подножию креста, на котором наш искупитель умер^b за всех нас, принесите туда дань ваших горестей, ваших сожалений и ваших надежд на вечность, которые поистине ведут в конце к настоящему счастью. Да, мой добрый друг, есть иная жизнь, где мы вновь встретим друг друга, и сердце говорит мне, что это будет скоро, если мне не придется больше испытать счастья сжать вас в моих объятиях в этом мире.

П.И. Пестель – Е.И. Пестель (Петербург, 1 мая 1826)

[Ma Chère Maman!]^b

Quel bonheur pour moi d'avoir vu encore quelques lignes, tracées par votre main ma bonne^c, ma bien chère Maman^d, et d'y avoir vu que vous m'accordez votre bénédiction, ce don le plus précieux et le plus cher à mon cœur. Dieu le sait, mes bien chers et bons parens à quel point je vous ai aimés toute ma vie et comme ce sentiment remplissait mon âme en entier. Jugez vous même d'après cela de tout mon desespoir pour le chagrin que je vous donne maintenant. Votre image ne me quitte pas

^a Тире указывает на незаконченность текста. Судя по переводу ответного письма П.И. Пестеля в публикации П.И. Бартенева, далее находилась приписка С.И. Пестель, опущенная при копировании письма в редакции «Русского архива».

^b Буквально мертв.

^c У В. Туманского нет обращения, дополнено по списку РГБ (ОР РГБ. Ф. 18. Карт. 39. Д. 18. Л. 1 об.–2). В оригинале обращение или вовсе отсутствовало, или было иным, так как письмо П.И. Пестеля обращено к обоим родителям, а приписка – еще и к сестре.

^d В списке РГБ пропущено ma bonne.

^e В списке РГБ с маленькой буквы.

un instant ni jour ni nuit et je ne saurais vous exprimer tout le terrible, tout le déchirant de vous causer tant de douleur^{e ж}

Mon histoire actuelle est continue dans ce peu de mots : j'ai aimé ma patrie avec passion, j'ai désiré son bonheur avec enthousiasme, j'ai cherché ce bonheur dans des³ projets qui m'ont fait manquer // (л. 1 об.) à ma vocation, et qui m'ont jeté dans l'abîme, où je suis maintenant. J'aurais du comprendre plutôt que c'est à la Providence^h, à laquelle il faut s'en rapporter et ne pas vouloir prendre part à ce qui n'est pas au devoir [positif pour la position dans laquelle l'Être Suprême nous a mis et ne pas vouloir sortir]^k de sa sphère. Je le sentais déjà pendant l'année 1825, mais il était trop tard. Cependant si les regrets et la douleur, le repentir et le chagrin peuvent expier quelque chose, j'ose me flatter d'avoir expié mes erreurs^l. Je ne sais pas quel sera mon sort, si c'est la mort, je le recevrai avec joie. Je suis fatigué de la vie, mais quand je pense à vous, mes chers et bons parens, je voudrais que l'Empereur me fit grâce pour pouvoir vous consacrer toute ma vie // (л. 2) et à force des soins vous prouver toute la sincérité de mes sentimens pour vous. En tout cas mes chers parens vous serez ma dernière comme vous avez été ma constante pensée, et mon dernier soupir sera encore un soupir d'amour pour vous^m. Vous savez chers parens avec quelle sincérité je vous ai toujours parlé de mes sentimens religieux. Vous savez, que j'ai toujours eu une foi pleine et entiere en Dieu, mais que ma croyance en Jésus-Christ était plus faible. Eh bien! Réjouissez-vous aprésent avec moi. Je l'ai trouvée cette croyance et la foi dans notre Saveur est maintenant mon bonheur et ma consolationⁿ. Je vois la vie sous un autre aspect et la mort renferme^o de délicieuses espérances. Pouvais-je acheter ce bonheur trop cher? Je vous aime tant que je voudrais que vous puissiez même m'oublier entierement, // (л. 2 об.) car [puisque] j'ai votre bénédiction, j'ai tout ce qu'il me faut. Si l'Être Suprême trouve bon que l'Empereur m'accorde ma grâce, je ferai tout pour réparer le passé – si non, je prendrai mon sort sans ni plaindre, ni murmurer^p. Que la volonté de Dieu soit faite^p. J'ai une reconnaissance infinie à l'Empereur pour le bonheur qu'il m'a permis^c de lire votre lettre.

[T. a. v.]^r

Pestel^y.

ОР РНБ. Ф. 794. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–2 об.;

Туманский В.И. Из его бумаг // Русская старина. 1890. № 8. С. 384–385.

Русская версия текста:

[Моя дорогая Матушка!]

1 мая 1826 года

Какое счастье для меня снова видеть несколько строк, начертанных вашей рукой, моя дорогая, моя весьма добрая матушка, и увидеть из них, что вы даете мне ваше благо-

^e Далее пропущено то же, что пропущено в списке РГБ.

^ж Разбиение на абзацы в списке РГБ отсутствует.

³ В списке РГБ dans les projets.

^h В списке РГБ с маленькой буквы.

^k Здесь и далее: слова в квадратных скобках пропущены в списке РГБ.

^l В списке РГБ d'Erreurs.

^m Во французском тексте не обозначен пропуск части текста.

ⁿ В списке РГБ Rejoignissiez-vous aprésent avec moi, je l'ai trouvée. Cette croyance et la foi dans notre saveur est maintenant mon bonheur et ma consolation, то есть отличается глагол (соединитесь, а не порадитесь) и знаки препинания.

^o В списке РГБ s'enferme. Оба варианта можно перевести как «заключает в себе».

^p Во французском тексте не обозначен пропуск части текста.

^p Практически дословная цитата из французской версии молитвы «Отче наш»: «que ta volonté soit faite» («да будет воля Твоя»).

^c В списке РГБ вставлено «d'avoir__».

^r «Tout à vous» – «Весь ваш». В публикации перевода П.И. Баргеновым в «Русском архиве» эта фраза отсутствует.

^y Подпись с росчерком.

словение, этот дар, самый драгоценный и самый дорогой моему сердцу. Бог ведает, мои дорогие и добрые родители, до какой степени я любил вас всю свою жизнь, и как это чувство целиком заполняло мою душу. Судите сами по этому обо всем моем отчаянии из-за той печали, которую я вам причиняю теперь. Ваш образ не покидает меня ни на мгновение ни днем ни ночью, и я не знаю, как выразить вам, сколь ужасно, сколь мучительно причинять вам такое горе. *Благодарю вас миллион раз за ваше благословение. Это сладостный бальзам для моего сердца. Это истинное утешение, это истинное счастье для меня. Тысячу и тысячу раз благодарю вас.*

Моя настоящая история содержится в немногих словах: я страстно любил свою родину, я с воодушевлением желал ее счастья, я искал этого счастья в планах, которые заставили меня пренебречь своим призванием, и которые бросили меня в бездну, где я нахожусь теперь. Мне следовало бы скорее понять, что здесь нужно полагаться на Провидение, – и не желать участвовать в том, что не является несомненным долгом в том положении, куда Всевышний нас поместил, – и не желать выйти из своего круга. Я это чувствовал уже в течение 1825 года, но было слишком поздно. Поэтому если сожаление и горе, раскаяние и печаль могут искупить хоть что-то, я осмелюсь надеяться, что я искупил свои ошибки. Я не знаю, какова будет моя судьба, если это смерть, я приму ее с радостью. Я устал от жизни, но, когда я думаю о вас, мои дорогие и добрые родители, я хотел бы, чтобы Император оказал мне милость, чтобы я мог посвятить вам всю мою жизнь, заботами доказав вам всю искренность моих чувств к вам. В любом случае, мои дорогие родители, вы будете моей последней, как вы и были моей постоянной мыслью, и мой последний вздох также будет вздохом любви к вам. *Я никогда никого не ненавидел, никогда не был ожесточен против никого. Сердце мое, поистине, нисколько не участвовало в том, что творила голова, и я могу наверное сказать, что когда бы настала минута действовать, то сердце остановило бы голову. К счастью, я не могу упрекать себя в каком-либо настоящем действии.*

Вы знаете, дорогие родители, с какой искренностью я всегда говорил вам о моих религиозных чувствах. Вы знаете, что у меня всегда была полная и целостная вера в Бога, но мое верование в Иисуса Христа было более слабым. И вот! Обрадуйтесь теперь вместе со мной. Я нашел его, это верование, и вера в нашего Спасителя теперь – мое счастье и мое утешение. Я вижу жизнь с иной точки зрения, и смерть заключает в себе восхитительные надежды. Мог ли я приобрести такое счастье слишком дорого? *Дай Бог, чтобы мои братья были счастливы и во всех отношениях благополучно прошли все поприще своей жизни. Бог да благословит дорогую добрую Софи. Я очень беспокоюсь о бедном Александре: как может он существовать и служить, не имея копейки для своего содержания? Да умиლოსердится Бог над ним!*

Что касается до вас, мои добрые родители, умоляю вас: умерьте ваше огорчение обо мне. Ежели я не могу составить ваше счастье, то у вас есть другие дети, которые, конечно, постараются исполнить это. Я так люблю вас, что я хотел бы, чтобы вы могли даже совершенно забыть меня, потому что, поскольку у меня есть ваше благословение, у меня есть все, что мне нужно. Если Всевышний сочтет правильным, чтобы Император проявил ко мне милость, я сделаю все, чтобы загладить прошлое, – если нет, я приму мою судьбу без жалоб и ропота. Я даже смерть почти за счастье в сравнении всякого заключения. Да совершится воля Бога. Я бесконечно признателен Императору за то счастье, что он позволил мне прочесть ваше письмо, не смотря на страшно грустное его содержание. Это уже благодеяние с его стороны. Бог, в своем бесконечном милосердии, да дарует вам, мои дорогие и добрые родители, хорошее и крепкое здоровье, скорое и совершенное выздоровление. Да превратит Он ваше положение, удрученное заботами и затруднениями, в спокойное благосостояние! Да дарует Он вам долгую жизнь и многие лета и да исполнит их счастьем, удовольствием и благоденствием всякого рода! Одним словом, да услышит Он горячие мольбы, которые беспрестанно воссылает Ему за вас, мои драгоценные родители, ваш покорный и нежный сын Павел.

Тысячу раз благодарю тебя, дорогая Софи, за те строки, которые ты прибавила к письму нашей матери. Я чрезвычайно растроган нежным твоим участием и твоею дружбою ко мне. Будь уверена, мой добрый друг, что никогда сестра не могла быть нежнее любима, как ты любима мной. Продолжай, дорогая Софи, быть радостью и утешением наших бедных и несчастных родителей, и Бог, конечно, благословит тебя в этой жизни и в будущей. Я тоже и за тебя воссылаю к Нему горячие молитвы и никогда не перестану тебя любить от всего сердца. Прощай, моя дорогая, моя добрая Софи.

Твой нежный брат и искренний друг Павел.

Отсутствующие в списках фрагменты письма приводятся по публикации:
Бумаги И.Б. Пестеля // Русский архив. 1875. № 4. С. 421–423.

Литература

Бумаги И.Б. Пестеля // Русский архив. 1875. № 4. С. 369–423.

Бычков И. Несколько данных к истории книги барона М.А. Корфа «Жизнь графа Сперанского» (Из бумаг академика А.Ф. Бычкова) // Русская старина. 1902. № 1. С. 165–169.
Восстание декабристов. Материалы: под ред. С.В. Мироненко. М.: РОССПЭН, 2012. Т. XXII. 430 с.

Туманский В.И. Из его бумаг // Русская старина. 1890. № 8. С. 384–385.

Туманский В.И. Стихотворения и письма. СПб.: Издание А. Суворина, 1912. 434 с.

References

Bumagi I.B. Pestelya [The papers of I.B. Pestel] (1875). In *Russkiy arkhiv*. No. 4, pp. 369–423.

Bychkov, I. (1902). Neskolko dannykh k istorii knigi barona M.A. Korfa “Zhizn grafa Speranskogo” (Iz bumag akademika A.F. Bychkova) [Several data on the history of the book of Baron M.A. Korf “The Life of Count Speransky” (From the papers of Academician A.F. Bychkov)]. In *Russkaya starina*. No.1, pp. 165–169.

Mironenko, S.V. (Ed.). (2012). Vosstanie dekabristov. Materialy [Decembrists uprising. Materials]. Moscow, ROSSPEN, vol. XXII. 430 p.

Tumanskiy, V.I. (1890). Iz ego bumag [From his papers]. In *Russkaya starina*. No. 8, pp. 378–386.

Tumanskiy, V.I. (1912). *Stikhotvoreniya i pisma* [Poems and letters]. St. Petersburg, Izdanie A. Suvorina. 434 p.

Статья поступила в редакцию 30.08.2020 г.